

мария
ватутина

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В21

Серия «Поэты России»

Оформление *Н. Ярусовой*

Фото Марии Ватутиной на корешке: *Андрей Тарасов*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

Cozy nook / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ватутина, Мария Олеговна.
В21 Стихотворения / Мария Ватутина. — Москва : Эксмо, 2016. — 384 с. — (Поэты России).

ISBN 978-5-699-92011-2

«Стихи текут по маленьким и большим валунам пестрой речкой. Но вдруг оказывается, что речка эта дает жизнь целым народам и странам. Это и есть поэзия. Поэзия — словесное выражение образа чувств. Без нее, без этой животворной реки, народ не народ, а население, потому что те сады, которые она поит своими водами, — это человеческая духовность, чувственность, милосердие и красота», — вот что пишет о стихах и поэзии победитель Первого всероссийского турнира «Красная площадь. Время поэтов» Мария Ватутина. Что такое эта книга? Источник живой воды, которая залечит наши раны и даст нам сил духовных, сил жить и любить, сил быть человеком.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-92011-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Что вы хотели бы знать обо мне и о том, как я пишу стихи?

По сути — я и есть только мои стихи. Это почти ничего. Это мало, да. У меня есть еще пара-тройка талантов или способностей, например самозабвенно петь народные песни и писать маслом, я умею шить верхнюю одежду и разбираюсь в законах. Но ведь эти проявления не многозвучные и не многозначные, они лишь обслуживают какие-то потребности мои или окружающих, то есть это прикладные таланты.

С поэзией что-то другое. Я думаю, что стихи не должно писать в стол, если есть возможность их отдавать миру, но, с другой стороны, ничего не произойдет с моим сочинительством, стань оно невостребованным, оно продолжится, оно дается, как способность дышать, это данность, которая тобой управляет.

Я не люблю и не умею цитировать, но стыжусь этого. Просто память очень многое блокирует, заодно прихватывая и конкретику слов, цитат, чужих книг. Но жизнь утрамбована в строфы, и я помню каждое свое стихотворение — не наизусть, а принадлежность ко мне. Все остальное память нещадно жертвует на благо моего спокойствия, она бережет и оберегает меня, как опытный охранник, искушенный телохранитель. Память не может оберечь меня от происходящего сейчас. Но от мысленного повтора переживаний и эмоций она меня отстраняет, загоразживает меня своим бронированным торсом.

Память живет, как отдельная неприсоединившаяся страна — она, с одной стороны, в контексте моей собственной

мировой истории, с другой стороны, ей невозможно приказывать. Ты выходишь из магазина с пакетом конфет и вдруг, надкусив, понимаешь, что наконец-то тебе попался «Мишка косолапый» того самого вкуса, который был в детстве. И сумерки, и неопределенного источника подсветка тропинок во дворе, и прижатый к земле гул человеческих разговоров — все, как в детстве. Память приходит сама. Она, как сухофрукт, который вдруг начинает набухать и приобретать былые черты, когда его поместить в горячую воду. Также и поэзия. С опытом ты приобретаешь способность предчувствовать стихотворение или понимать по одной подаренной свыше строке, что оно уже сложится, словно ты врач, умеющий определять жизнеспособность зародыша. Или нежизнеспособность.

Стихи не могут состоять из упражнения в технике. Если невооруженным глазом видны намеренные игры со звуком, с размером, неологизмами и т.д., значит, перед нами робот.

В процессе собирания стихотворения из пазлов великого полотна не родится, ведь тут задача не создать прекрасное, а найти подходящую форму, взломать традицию и только. Взлом — это разрушение. В создании истинного стихотворения просто нет возможности упражняться. Не-что прекрасное в организации и форме стихотворения может прийти лишь естественным путем — где-то по дороге ты зацепишь и положишь в корзинку аллитерацию, где-то цезуру, где-то свежую рифму. Но добыча будет сверкать на солнце, как горный хрусталь, только если это естественная земная форма жизни.

Иногда стихотворение является мелким сосудом, из которого предлагается пить журавлю. Все в стихотворении есть, кроме одного — глубины мысли и образов. Эта глубина, очевидно, дается одаренному человеку одновременно или в паре с еще одним качеством: ощущением промысла. Нужно смотреть правде в глаза: даже беднейший и самый запущенный в бытовом плане гений всегда вел себя как царь зверей. Это ощущение должно быть впереди бегущим, на перспективу, так сказать. Только если ты ощущаешь в себе силу и правоту, необходимость высказаться и весомость мысли — ты можешь создать то, что необходимо для победы поэзии: биографию и свою собственную поэтику. Нет, конечно, речь не о мании величия, а о силе замысла и величии цели.

Вот, собственно, и все. Стихи текут по маленьким и большим валунам пестрой речкой. Но вдруг оказывается, что речка эта впадает в другую, которая дает жизнь целым народам и странам. Это и есть поэзия. Поэзия — словесное выражение образа чувств. Без нее, без этой животворной реки, народ — не народ, а население, потому что те сады, которые она поит своими водами, — это человеческая духовность, чувственность, милосердие и красота. По уровню этих качеств (в среднем по палате) — можно судить, насколько живы поэзия и сам народ.

Мария Ватутина

К СОКУРСНИЦЕ¹

Ты в этом городе, как в омуте:
Уже и дно недалеко.
Не спишь в шелках, не ешь на золоте —
Волчица носит молоко.

С тобою сестры мы и сироты,
От нас пойдет Четвертый Рим.
И созидать и править в силах ты
Одним лишь именем своим.

Над величавыми руинами
Былых серебряных веков
Мы выросли непобедимыми
На попечении волков.

И в каждом городе, что горбится
Над каждой гривенкой своей,
Уже лепечут наши горлицы
И наши горницы светлей,

И наши голоса торопятся
Познать родительскую речь.
И печи варварские топятся,
Где наши книги будут жечь.

1997

---

¹ С этого стихотворения начались мои публикации в толстых журналах. В 2001 году Юрий Кублановский напечатал подборку в «Новом мире». Он цитировал это стихотворение везде, где выступал. С тех пор мы стали хорошими друзьями, и я очень дорожу дружбой с ним.

Первая часть

НАЗВАНИЕ ПОЛОМКИ

В этой главе — стихи последних лет: двух-трех. Некоторые тематически подошли в другие части книги, здесь почти нет стихов, вошедших в книгу «Послеслов». В эти годы я стала гораздо спокойнее жить, работала выпускающим редактором журнала, участвовала в замечательных литературных фестивалях, чувствовала ответные эмоции людей, которым я читала свои стихи в разных уголках России. Вышли три книжки. Это был период между потерей матери и смертью дорогого человека. У меня появилось много вопросов о кратковременности человеческой жизни. И ответов тоже. Но об этом в других главах книги.

* * *

Мне в радость геометрия двора
И перекресток, что лежит под липой
Андреевским крестом в тоске великой,
И в липе свет фонарный до утра.

Вот так я коротаю дни свои —
В оконной раме, как в пустой скворечне,
Выстреливаю косточки черешни,
Выращиваю демонов любви.

Пытаюсь счастье в жизнь свою назвать,
Свою и развожу плоды слеженья,
Ах, я же не сказала... я с рожденья
Немножечко умею колдовать.

Я взглядом достаю до спящих звезд
И мыслью достаю до звезд неспящих.
Но слишком долго из миров светящихся
Идет ответ и путь его непрост.

* * *

Куда-нибудь, где нас никто не знает,
Где небо белое и синий цвет волны
С твоим поющим взглядом совпадает,
Уедем мы, покуда влюблены.

Не ведавший другого человека
Прикосновений, ты познаешь страх —
Великий страх открытия. Так млеко
Впервые на младенческих губах

Приводит их к источнику прозренья
И сонмы ощущений бередит.
И нет запретов для прикосновенья –
Оно в тебе младенца возродит.

Соприкоснись с морским молочным телом.
Лежит на мне, вводя в ответный страх,
Твой взгляд протяжный – синее на белом,
Как море синее на белых небесах.

АКВАПАРК

1

В одиннадцать они включают волны,
И чаша эта, полная плотвы,
Ликует и качается покорно
В одном из райских садилов Москвы.

Кого здесь нет: в спасательных жилетах
Младенцы, и мадонны, и отцы,
И старцы, и бичи в тюремных метах,
И скромницы, и дикие юнцы.

И горцы, и народы плоскогорья
Друг перед другом здесь обнажены!
О, эта репетиция приморья!
О, жаберная жажда глубины!

О, как бы жили в мире мы невинно,
Когда б о детстве помнила душа.
Здесь над водой отец возносит сына –
Белесого, как млеко, голыша.

Взбухают волны, песня льется тонко,
И солнце светит сыну и отцу.
Он поднимает над собой ребенка
В обоих смыслах, видно по лицу.

2

И не подросток вроде бы давно,
Но и не дева, как вон те, в бикини

Богини пенных заводей, отныне
Она сама игристое вино.

Еще ей корчить рожицы легко,
И он, скорее, брат ей, чем стеснения
Причина. До прозренья далеко,
И нагота их не для соблазнения.

Единым целым быть у них талант,
Пока один истомы не пригубил.
С небес за ними сквозь стеклянный купол
Приглядывает старший лаборант.

Смотрю на них и вижу, как потом
Они сидят, рассматривая снимки.
Все прожито — и свадьба, и роддом,
Работа, внуки, пенсия, поминки.

А это фото — коридор зеркал,
Где я в струях на заднем плане, в арке,
Их снял фотограф местный в Аквапарке
И снимок им на выходе отдал.

3

Прозрачны и надмирны на просвет,
Негнущимися пальцами своими
Три женщины, древней которых нет,
Играют в мяч над волнами седыми.

Они стройны, белы у них пучки,
Улыбки их обращены друг к другу,
Почти не ощущаемы толчки,
Но мяч летит над волнами по кругу.

И молодость такая на лице
У каждой этой женщины, такая,
Что глаз не оторвать! Они в конце
Или в начале, в детстве, я не знаю.

В такой вот рай небесно-водяной
Я попрошусь, когда придет минута —
Где эти трое, в мячик надувной
Играя, улыбаются чему-то.

* * *

Был сон мне со среды до четверга
И с четверга на пятницу в повторе:
Не что обычно снится мне — не горе,
Не поиски ключей, не батога,
Мне снился пир в большом ангаре дня,
И ты меня любил. За облаками
Тогда дожди чесали языками
О чем-то и косились на меня.
Под шум дождя мне снилось: ты со мной,
И я — магнит, способный к притяженью.
Проснувшись, перешла к стихосложению,
Чтоб сон запомнить этот проливной,
Чтоб как-нибудь момент установить,
Когда мне удалось во время пира
Вернуть тебя с такого устья мира,
Что мне пришлось пространство искривить,
Как ты ко мне приблизился в упор,
Наполнен силой тяжести и тока...
А остальные сны прошли без толка...
И этот сон не сбылся до сих пор.

* * *

Как рано птицы просыпаются
В рассветных сумерках у нас,
Как будто крошки просыпаются
Для певчих с призрачных террас.

Вот так и я, не сплю до вылова
Мне заготовленных даров:
Строки ли, духа белокрылого,
Ах, лишь бы из других миров.

Ах, лишь бы знать, что я не брошена.
Так не заснет без песни сын,
Не потому что нужно крошево,
А чтобы знать, что не один.

Предощущенья дрожь ажурная,
Латушь на окнах теремных.
И птица первая, дежурная,
Поет и будит остальных.

* * *

Когда я возвращусь в свою страну,
Ожившую, восставшую из гроба,
Я вновь узнаю улицу одну,
Которую любила до озноба.

Под окнами березы там растут,
На форточках висят авосек груди,
И не орешек знаний там грызут —
Грызут гудрон невыросшие люди.

Они играют в прятки и в войну,
А по утрам их Дунаевский будит.
Когда я возвращусь в свою страну,
Там ни войны, ни пошлости не будет.

Но вход завален и пора прошла,
И ни приметы, в памяти витавшей.
А я сейчас бы дорого дала
За это опознание восставшей.

Но не была страна моя святой.
Она смердит, и камень не отвален,
И высушил луч солнца золотой
Чертополох в черте ее развалин.

* * *

Получил? Не продлевай привала,
Жги подошвы в беге ли в ходьбе.
Я с водой реки передавала,
Что я загадала о тебе.

Нашептала шелестящей стае,
Ветром управляемой туда,
Где от жизни долгой отдыхая,
Ты в реке раскинул невода.

По траве пустила шепот жаркий,
По ветвям направила распев,
Столько строк сплела старинной прялкой,
Что ладоням нужен обогрев.

Ты смирился и привык к покою,
Что в ночи под голову кладут.
Страшно, ангел мой, сойтись с такою?
Только ноги сами приведут.

* * *

На листке мироздания плоском
Перед тем, кто сидел за столом,
Я была карандашным наброском,
Акварелью, пастелью, углем.

Живописец мирам и вселенным,
Чья рука волшебством снабжена,
О, каким же я способом тленным
На листок этот нанесена!

Кем рисунок стирать ты обучен?
Размывать акварель добела?
Нарисуй меня маслом тягучим,
Новый мастер — хозяин стола.

Но догадкой морозец по коже,
По мазкам на беленом холсте:
Как похожи они, как похожи —
Этот тоже ведет к пустоте.

* * *

Был страшен лик, но лгали зеркала.
Был мой надел бескрайним, но беспутным:
Мне в целом мире не было угла —
Укрыться с головой ковром лоскутным.

Вокруг меня блуждали племена,
Ночных подарков жадно поджидая.
Из врачевавших я была одна,
Ушла в пески моя родная стая.

О, я толкала в спины ходоков,
Под натиском их скалилась и выла.

До горизонта тысячи полков
Желали чуда. Но не тут-то было.
Я изучила пряник их и кнут,
Я столько раз их оживляла словом.
Но знала, все равно меня распнут,
А после будут дорожить уловом.

Но опадали мертвые тела
За слоем слой в равнинных мелких безднах.
И я им слово все-таки несла,
И длилась жизнь созданий бесполезных.

И каждый слово слышавший в тиши
Встречал рассвет уже не обреченным,
И что-то наподобие души
В них шевелилось зверем прирученным.

* * *

Бирюза и линза — смесь удачная
Выплеснуть грехи свои на плес.
В Иордан-реке вода прозрачная
Там, где ты крестился и Христос.

А у нас все хляби да болотища,
Возмечтала счастья для себя!
Ах, какого чистого полотнища
На тебе рубаха и судьба!

Омовенья в солнечном сиянии
Бесконечный карусельный миг
Победит ли в противостоянии
С миром, что бесчувствен и безлик?

Слой за слоем все срезают скальпели
С циферблата неподъемность дня.
С локонов твоих речные капельки,
Как с небес, спадают на меня.